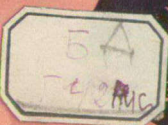

степан петрович

пу т а н и ц а

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

1930

М. ГЕРШ

НА ДОК
НЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

СТЕПАН ПЕТРОВИЧ ПУТАНИЦА

РИСУНКИ
КУКРЫНИКСЫ

F-421

МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

23468

1957-58 г.

ОТПЕЧАТАНО
в 1-й Образцовой типографии
Гиза. Москва, Валовая, 28.
Главлит А-72598. Д.31. Гиз 40936.
Заказ 1701. Тираж 10 000 экз.
2 п. л.

ДВА ОХОТНИКА

I

Степан Петрович — это наш преподаватель.

Настоящая фамилия его — Пуговицын. Мы прозвали его Путаницей, потому что он очень рассеянный человек.

В прошлом году Еремин встретил его на Моховой. Путаница шел в университет и по дороге читал газету. Правой ногой он шел по тротуару, а левой ногой — по мостовой. Он очень смешно хромал: рубль — двадцать, рубль — двадцать.

Еремин окликнул его:

— Степан Петрович, что с вами?

Путаница остановился.

— Ах, это ты, Еремин! Не знаю, я охромел. У меня одна нога короче другой.

Еремин пришел в школу и рассказал, какая неприятность приключилась с Путаницей.

Сережка Парфенов махнул рукой.

— Это что, — сказал он, — третьего дня он отмочил штуку почище. Мы с Ванькой видали. Степан Петрович ждал трамвая у остановки. А когда трамвай подошел, он вдруг снимает

калоши. Так и уехал, а калоши остались на мостовой.

Мы Сережке поверили: от Путаницы всего можно ждать. И только Сережка кончил рассказывать, вбегает Крякшин и кричит:

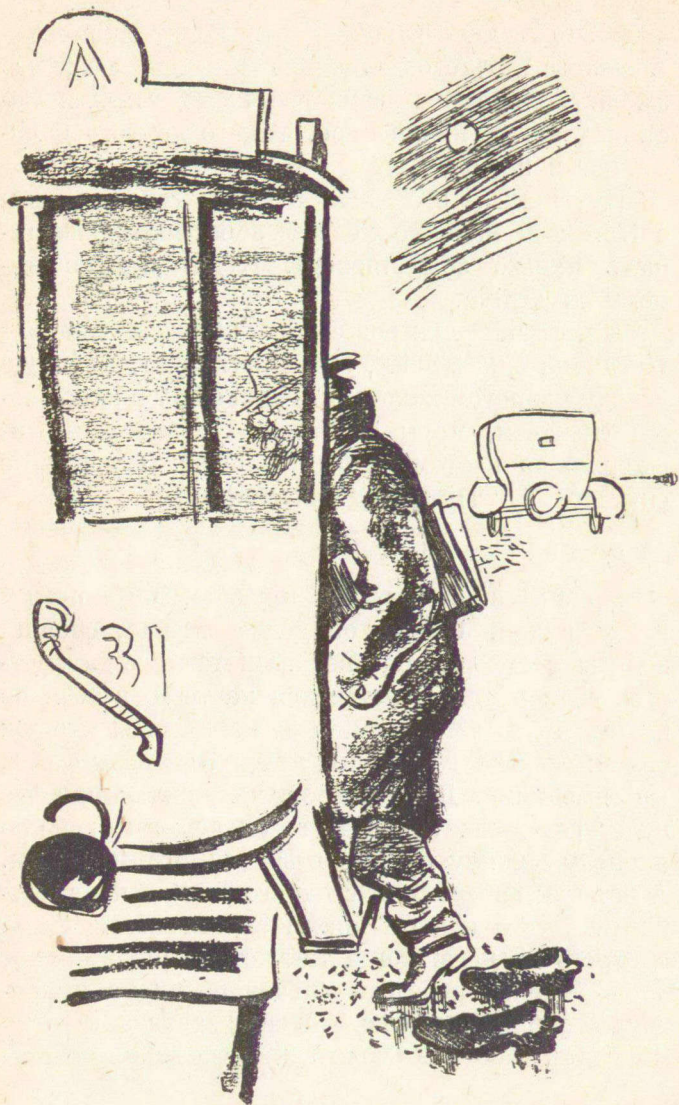
— Ребята, бегите в уборную, Путаница моет руки колбасой.

Конечно, мы побежали в уборную. Путаница стоял у рукомойника и намыливал руки ломтиком московской колбасы. Мылил, мылил, потом плюнул:

— Тьфу, что за мыло такое! Срам один, какое низкое качество продукции!

2

Он преподает у нас обществоведение. И какой молодец! Как пойдет говорить, — волосы дыбом, глаза блестят, руками машет. Схватит кусок баранки и пишет ею, будто мелом, формулы на доске про прибавочную стоимость или что-нибудь другое. Потом вытащит из кармана платок, он всегда с доски платком стирает, и давай полировать доску, а доска и без того пустая. И все равно понятно, и никто не смеется, потому что очень ученый человек Путаница и всегда в самую точку бьет, — хочешь, не хочешь, а заслушаешься. Мы и не поправляем его, если он оговорится или ляпнет что-нибудь, не в том дело, это всякий знает. Мы уже к этому привыкли. Ясное дело, когда человек в пяти местах лекции читает, здесь про одно, там про другое, а книги пишет про третье, можно и ошибиться.

— Это — мелочи жизни, — говорит Еремин. — А такого другого — поищи. Он тебе все, что захочет, из книг вывернет и перед глазами поставит, как привинченное. Такого другого больше нет и не будет.

Путаница — это наша главная гордость. Мы с Крякшей нарочно ходили в 64 школу послушать ихнего обществоведа. Куда! Далеко кому до зайца.

А все-таки один раз было у нас дело. Так нас Путаница насмешил, так насмешил, — целую декаду мы потом хохотали. Как войдет в класс, — мы смеяться, и он смеяться. И главное — насколько он в этом не был виноват. Тут кто не спутает? Тут Путаница не виноват.

3

Пришел он в тот день в ударе. Это по нему сразу видно. Сперва он долго молчал, ерошил волосы и смотрел насквозь. Он так всегда смотрит, если в ударе: уставится на тебя, а тебя не видит, будто ты стеклянный какой. Мы все уж знаем: если долго молчит, значит, не урок будет, а прямо кино. Даже свербит немножко: про что будет говорить. Говорить-то он должен был про японскую войну и про пятый год, это мы знали. А вот как повернет, и с какого боку начнет крушить? Будто кайлом каким замахивается, любо смотреть на него, когда так вот молчит.

— Значит, ребята, — начал он вдруг и протянул руку к портфелю, — значит, ребята, сегодня мы будем говорить о последних феодалах. В ста-

рых учебниках много говорилось о феодалах. Там написано было, что в средние века феодальная система распространялась на всю Европу. Нас учили, что феодал — владелец земель и дворцов. Он — сюзерен, у него — свои вассалы. Они содержат его, платят ему подати, ходят с ним на войну. Феодалы устраивают турниры — поединки. Вот он едет, закованный в железные доспехи. Конь идет шагом. Это — тяжеловоз, битюг, как у наших ломовых. На бабках у него густые мохнатые щетки. Всадники сшибаются, это бесстрашные люди. Копье ударяется в латы, — всадник падает с коня. Он лежит на земле, как железная кукла. Слуги поднимают его и сажают в седло... А вот феодал выезжает на охоту. Пять деревень подняты на ноги, — мужики гонят дичь. Какая охота! Десятки ланей, сотни тетеревов! Дым костров застилает небо. В тех учебниках, по которым учились мы, это было очень красиво. Замки, турниры, веселые своры псов... Теперь вы знаете, что такое феодализм. Вы знаете, что он был и у нас, вам видна обратная сторона медали. Вы знаете, как недавно мы разрушили в нашей стране остатки феодальной системы. Февраль и Октябрь смели их с лица земли. Красный Париж, как музейную редкость, хранит гербы и доспехи опрокинутых феодалов. Мы победили в турнире.

Никто не поправил Степана Петровича: он говорил о Красной Москве, и никого не смутила его обмолвка. Мы ждали, о чем он будет говорить дальше.

Но Путаница замолчал. Что-то случилось с его портфелем. Он ни за что не хотел открыться.

Тогда я тихо встал и подошел к кафедре. Я протянул руку к портфелю, Путаница улыбнулся и закивал головой. Он понял, что я хочу помочь ему.

— Да, да, пожалуйста.

Он протянул мне портфель и отвернулся прежде, чем я успел его подхватить; портфель, как кулек с мукой, плюхнулся на пол, раскрылся, и из него вывалился сверток с грязным бельем (наверное, Степан Петрович пришел к нам прямо из бани); целый ворох листков, исписанных вдоль и поперек, рассыпался по полу. Путаница не заметил, как упал портфель, он говорил дальше. Я плохо слушал его, пока собирал листки. Мне хотелось сложить их по страницам, но третьих страниц попало две и четвертых две. Всех страниц было по две.

— Конечно, копии, — подумал я. — Это, верно, для книжки.

Пришлось подбирать сразу две пачки. Пропади ты пропадом! Когда я кончил возиться с листками, Путаница рассказывал уже о Николае. Я прохлопал очень важное — причины японской войны.

— Ничтожество этого последнего феодала необыкновенно ясно видно из его дневников. Надо вам сказать, что Людовик XVI вел свои дневники с такой аккуратностью, которой мог бы позавидовать каждый бухгалтер. На протяже-

нии многих лет всякое, даже самое мелкое, событие заносилось им в дневник; именины Александры Федоровны, прогулки по Финскому заливу, завтраки и парады — все решительно, до последних пустяков, нашло свое отражение в дневниках Людовика. Их остались от него груды — толстенные томы, тысячи страниц... Я сделал ряд выписок из его дневников...

Тут Путаница заерзал на стуле. Он посмотрел на меня, как на няньку, и я рад был, что могу уже дать ему подобранные по страницам листки.

5

— Спасибо, Гаврилов, — сказал Степан Петрович. — Итак, я прочту несколько записей, сделанных Людовиком в 1904 году. Вот первая: «28 марта. Светлое воскресенье. В церкви пришлось похристосоваться с 280. Разгавливались с удовольствием. Лег спать около 4 часов. Встали в 9^{1/2}. В 11^{1/2} было большое христосованье — около 730 человек. Завтракал князь Орлов. Японцы оставили в покое наш флот в эту ночь».

— «Разгавливались с удовольствием», — как вам нравится эта фраза? Вот о чем думает последний феодал в то время, когда тысячи его подданных погибают в далекой Манчжурии. Эшелон за эшелон уходит на фронт, чтобы никогда не вернуться. Броненосец «Петропавловск» натывается на мину, и вся команда идет ко дну. А последний феодал развлекается охотой.

«22 апреля. Четверг. В час ночи поехал на ток около Гатчины, посчастливилось на этот раз, и я убил пять глухарей. Ночь стояла чудная. Вернулся домой в 5¹/₄. Спал до 9³/₄. Было три доклада. Гулял долго. После чая подарил Аликс немного вещей».

«27 апреля. Ночью поехал в другой глухариный ток. Погода была теплая. Убил двух глухарей. Смотрел в саду молодую лошадь, поднесенную с Дону. Гулял. Обедали у себя и немного покатались».

Степан Петрович отложил первый листок и стал подходить ближе к делу, — как японцы взяли Порт-Артур. А пока взял второй листок.

«2 апреля, — прочел он. — Дождь помешал охоте на козулю. Проповедь, вечерняя молитва. 6. — Прогулка пешком в Майль, чтобы посмотреть лошадей: застрелил две козули. 14. — Ничего; домашняя обедня, прогулка в карете и пешком в Гонар. 22 апреля — охота на оленя в Пор-Рояле, застрелил двух»...

— Послушай, — шепнул мне Крякша, — он что-то путает. Он только что читал — 22 апреля царь охотился в Гатчине. А сейчас говорит — в каком-то Рояле. То были глухари, а то вовсе олень.

Я пожал плечами.

— Ну и что? — говорю. — Может, числа спутал.

6

— Мы переходим к пятому году, — сказал Путаница и достал из кармана часы. Он долго

держал их стеклышком вниз и смотрел на заднюю крышку. Потом сунул обратно в карман. — Вы знаете, как начался этот год, год, который можно назвать генеральной репетицией. 9 января рабочие Парижа со священником Гапоном во главе направились к Зимнему дворцу. Они верили, что Николай выслушает и удовлетворит их требования. Николай встретил своих подданных градом свинца.

«Тяжелый день, — записал в свой дневник император. — В Петербурге произошли серьезные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненых. Мама приехала к нам из города прямо к обеду. Завтракали со всеми. Гулял с Мишей. Принимал депутацию уральских казаков, приехавших с икрой».

— Вассалы еще верны своему феодалу, — они привозят ему икру. О чем же тревожиться? Все в порядке. Взял Мукден, японский флот разгромил эскадру в Цусимском проливе. Николаю не до того, — он справляет день рождения императрицы:

«25 мая. Среда. Дорогой Аликс минуло 33 года. Погода стояла отличная. Были у обедни в Большом дворце и завтракали с семейством. Гулял и катался в байдарке».

Степан Петрович взял новый листок.

«24 мая. Воскресенье. Вечерня. Вечерняя молитва. Прием вновь прибывших представителей трех сословий. Большой обед...»

Чудное лицо вдруг стало у Путаницы: он поднял листок и уставился на него, будто клопа увидел или какое другое насекомое. Потом пожал плечами и снова начал читать:

«25 мая. Визит в Медон».

Тут Еремин крикнул с места:

— Степан Петрович, вы читали уже 25-е.

— Вот, вот. То-то я смотрю, — почему это два раза одно и то же число.

«27. — Визит в Медон в 5 часов с четвертью.

28. — Визит в Медон в полдень. 29. — Прием депутации от дворянства... 30. — Визит в Медон пешком; охота на оленя в Маркусси, — неудачная».

Степан Петрович отложил в сторону свои выписки и сошел с кафедры. Ходит возле доски взад, вперед, вытирает платком пальцы, будто испачкал их мелом. Наверно, забыл, что урок идет. Потом опять плечом повел и дальше стал рассказывать.

7

— Россия кипит. В конце сентября — в начале октября по всей стране — железнодорожная забастовка. В промышленных центрах — всеобщая стачка. Требования созыва Учредительного собрания. Пролетариат ощутил себя классом. Пули, нагайки, шашки. Но пролетариат наступает. 6 октября председатель комитета министров Витте просит царя принять его для беседы о положении страны, — он предлагает конституцию. Но феодал занят. Он — на охоте.

«7 октября. В 8^{1/2} час. утра отправился с Дрентельном за Вастолово на охоту. День стоял холодный. Тем не менее облава вышла веселая и удачная. Всего было убито 326 штук, из них пера — 81. Мною: 1 фазанка, 1 глухарка, 12 тетеревей, 2 вальдшнепа, 3 серые куропатки, 4 русака и 12 беляков — всего 35 штук. Вернулся домой в 5^{1/4}. Играл с маркером Яхт-клуба на биллиарде. Раз обыграл его из 4 партий».

— А вот еще одна запись:

«1 октября. Охота на оленя в Медонском парке, взято два; поездка туда и обратно верхом. 5 октября. Охотился у Шатильонских ворот, убито дичи 81 штука, охота прервана событиями...»

— Где это Шатильонские ворота? — спросил Крякша.

Степан Петрович откинулся на спинку стула.

— В Версале.

— А Версаль где? — спросил Крякша.

— Под Парижем. Это вроде нашего Петергофа.

— А при чем тут Париж? — спросил Крякша.

Весь класс замер. Степан Петрович хотел что-то сказать и открыл было рот. Да так и остался с открытым ртом. Потом поставил локти на кафедру и закрыл руками лицо.

— Запарился, — шепнул мне на ухо Еремин. И вдруг кто-то хихикнул:

— Хи-хи, — раздалось в классе.

Было очень тихо, и все слышали «хи-хи». Я обернулся к Крякше. Нет, это не он.

Смеялся сам Путаница.

— Хи-хи, — всхлипнул он и отвел руки от лица. На глазах у него блеснули слезы, от смеха. — Ребята, я спутал, — сказал он. — Это не тот феодал.

Нам непонятно было, почему он смеется.

— Как, не тот феодал? — спросил Ванька.

Но Путаница не мог говорить, он давился смехом.

— Это ты виноват, — выговорил он наконец и показал на меня пальцем. — Ты мне спутал листки.

8

— Я читал вам два дневника, — дневник Николая и дневник Людовика, — сказал Степан Петрович. — В четыре часа в университете у меня лекция по французской революции.

Тут Крякша сорвался с места. Он с разгону забылся и назвал Степана Петровича Путаницей.

— Не может быть, Путаница, — сказал он. — Не может быть, чтобы два разных человека писали один дневник.

Степан Петрович несколько не рассердился. Может быть, он не заметил.

— Это два разных дневника, — громко сказал он. Один написан был в пятом году, а другой в 1789.

— А почему там сказано, что «события помешали охоте»?

— Так это ж и есть французская революция, — засмеялся Путаница. — В этот день все население Петербурга — мастера, ремесленники, рабочие,

торговки — отправились в Версаль просить Людовика, чтобы он переехал в Париж, поближе к Собранию генеральных штатов.

— В Петербург, — поправил его Еремин.

— Да нет же, в какой Петербург! — воскликнул Степан Петрович и встал со стула. — Людовика усадили в карету и повезли в Париж, в Тюильри. В Тюильри ему негде было охотиться. Пришлось ему ездить далеко в Вильнев-де-Руа. Вот видите, что он пишет в 1791 году:

«3 октября. Прогулка верхом в 9 часов в Вильнев-де-Руа. Убито 3 фазана. В 9 часов прием депутации Законодательного собрания; ехал туда и обратно в карете. В 5^{3/4} часа итальянская комедия — «Два охотника». У меня появился геморрой, пил сыворотку».

Тут мы поняли, что на этот раз Путаница не виноват. Этих феодалов очень легко спутать.

— Комедия про двух охотников, — тихонько сказал Степан Петрович, и нам стало очень смешно. Еремин так хохотал, что сполз под парту. А мы с Крякшей и другие пошли к кафедре, чтобы разобрать дневники — отдельно Николая, отдельно Людовика. Мне все не верилось, что это правда, но Путаница показал нам и книжки, из которых сделаны были выписки.

В это время прозвонил звонок.

— Половина четвертого! — схватился Степан Петрович. — Мне надо бежать, а то я опоздаю на лекцию.

— Погодите, мы не успели еще разобрать, — сказал Крякша, но Путаница сгреб листки,

как попало, и сунул их в портфель. — Не надо, не надо. Я все равно спутаю, — засмеялся он. — Их уже спутала история.

— Вот так история! — фыркнул Еремин, вылезая из-под парты. — А ведь правда, Путаница не виноват.

ВТОРАЯ ПУТАНИЦА

I

Самое скучное дело на свете — письменные зачеты.

Сидишь, корпишь, в носу ковыряешь; а там посмотришь, — и все написано не так, как нужно. Скачут слова, как блохи, — нипочем не соберешь.

Я и говорю Сережке Парфенову:

— Давай, подъедем к Путанице, чтобы зачет писать сообща.

— Как так, сообща? — удивился Парфенов. — Это тебе не горелки.

— Вот именно, что горелки, — говорю я. — В одиночку работать — это одно головотяпство.

— Идиотизм сельского труда, — отозвался Еремин. — Гаврилов бузусловно придумал дело. Сколотим бригаду и завтра же Путаницу возьмем за жабры. Пойдешь в бригаду, Крякша?

Крякша только поморщил нос.

— Скажешь тоже, бригада, — буркнул он. — Откуда только берутся такие умники? Ты что думаешь, за эту рационализацию Путаница тебе и вправду поставит зачет?

— А конечно, поставит, — сказал Еремин. — Отчего не поставить? Хорошо напишем — поставит. А Гаврилова за идею предлагаю качать.

На другой день Степан Петрович прочел нам темы.

— Берем, что ли, Ходинку? — сказал я Крякше.

— Почему именно Ходинку? — спросил Крякша. — Что ты живешь там рядом, так это не резон.

— А по-моему — резон. Я там всю местность знаю. И свидетели у нас есть.

— Какие свидетели? — спросил Ванька.

— Потом расскажу. Значит, Ходинку?

— Да ладно, бери Ходинку! — махнул рукой Парфенов. — Что там долго рассусоливать.

— Степан Петрович, а можно нам бригадой? — вдруг выпалил Еремин.

Степан Петрович рассердился.

— Сядь, сядь, ты только что выходил. Что ты — маленький, каждую минуту в уборную бегать? погоди, сейчас будет звонок.

— Да мне вовсе не в уборную, — взмолился Еремин. — Я только хотел...

— А? Что? — спросил Путаница и отложил в сторону книгу.

Тут я вышел вперед и все ему рассказал. Он с первого слова понял, в чем дело, и улыбнулся.

— Кто же у вас входит в бригаду? — спросил он, сходя с кафедры.

— Я, Еремин, Крякшин, Сережка Парфенов и Ванька.

— Ванька — это ты? — ткнул он пальцем Ваньку.

— Да, — сказал Ванька.

— Что ж, это очень хорошо, — кивнул головой Степан Петрович. — Ну, смотрите. Бригада — это ответственная штука. Тем более — первый опыт. Если вы подкачаете, трудно будет другим начинать, — тогда уж бригадам крышка. А кто у вас будет старший?

— Как старший? — переспросил Ванька.

— Ну, бригадир?

— Я! — крикнул Крякша.

— Я! — крикнул Парфенов.

— Я! — крикнул Еремин.

Мы с Ванькой тоже не опоздали. Все крикнули сразу.

— Значит, единогласно, — засмеялся Путаница.

2

Первым долгом мы каждому из нас дали конкретное задание. Ванька с Парфеновым прямо из школы двинули в Музей Революции, посмотреть чашки, которые царь раздавал народу. Еремин и Крякша пошли в библиотеку за литературой, где про Ходынку. А я взялся раздобыть живого свидетеля. Живой свидетель — это Синичкин, сапожник, который живет в Стрельненском переулке. Он сам себя так называет.

— К восьми часам чтобы все собрались в переулке, — сказал я. — Как-нибудь его уломаю. Чур, не опаздывать.

Только стемнело, я постучался к сапожнику.

— А, наше вам с кисточкой, милачок, — сказал он, и я сразу увидел, что нам будет удача: Синичкин немножко был пьян.

— Небось, опять за варом? Можно можно, гражданин Гаврилов.

Он забыл, что я вырос; прежде всегда я бегал к нему за смолой для стрел. Но я и виду не подавал: даже будто обрадовался вару: он дал мне большой кусок — на десяток стрел хватило бы.

Мы долго болтали про всякую всячину. Потом я решил, что уже пора.

— А мы сегодня вспоминали про вас, товарищ Синичкин, — сказал я ему. — Как раз у нас в школе сегодня про Ходынку учили.

Синичкин отложил в сторону рашпиль и затянулся.

— Да, — сказал он, щурясь от дыма, — не понять вам этого, милачок. Пожили бы с мое — и школы не надо.

Он замолчал и даже закрыл глаза.

— Сейчас начнет рассказывать, — подумал я. — Как бы теперь позвать ребят? Может они и не пришли еще?

Мне помог сам Синичкин.

— Эх, теперь бы пивка, — сказал он. — Слейтай, милачок, будь другом.

Он пошарил в ящике и отсыпал мне медяками двадцать восемь копеек. Потом дал мне пустую бутылку.

Ребята ждали на улице. Все были в сборе.

— Ну, что?

— В самый раз, — сказал я. — Только сбежать в палатку.

Еремин сердито посмотрел на бутылку, которая была у меня в руках. Понятно, у него у самого отец — алкоголик.

— Ничего, — сказал я. — Наука требует жертв.

3

Ванька, Крякша и Сережка Парфенов сидели на кровати. Мы с Ереминым — у стола.

— Конечно, — говорил Синичкин, — теперь времена другие. А тогда... К примеру, взять хоть меня. От царя, от самого императора получить подарок! Все лезли, и я полез. Главное дело — из деревень понаехало. И еще скажу — распоряительство никуда. А почему никуда — очень просто, почему. Первым делом — палатки поставили тесно, — двоим не пройти. А еще много беды было от ям. Бараки сгрохали у самого рва — был тогда ров на Ходынке, между прочим, глубокий. Колодцев, и тех не закрыли.

Нам бы, конечно, способней итти от Ваганькова, а тут приказ: только с шоссе, от Тверской заставы. Сжали нас между бараками — не дыхнуть. Артельщики бросают подарки прямо в народ, — узелки с гостинцем и, между прочим, отдельно сайки. Мы бы рады шкуру унести — куда! Задние напирают. Дальше — больше. Бра тишку я вытащил наверх — он пошел себе по

головам. Кого и задавят — ему упасть некуда. Мертвый идет, только что голова болтается.

Прижали нас ко рву, я упал, на меня еще. А пришел в чувство — подо мной десять покойников, надо мной — пятнадцать. Как в живых остался — сам не знаю. Кость у меня широкая.

Синичкин налил себе еще пива. В углу под обоями зашебаршела мышь.

— Вот тебе и коронация. Восшествие на престол. От нового, стало быть, царя — подарочек. Запомнил я, сколько тогда подавили, — не то восемьсот, не то тысячу.

— 1282, — шопотом сказал Еремин.

4

Был бы я Наркомпрес — обязательно отменил бы письменные зачеты. Как Синичкин рассказывал, а потом еще книжки прочитали, — глаза закроешь, а все перед глазами стоит. Ну, чего там еще писать про это?

Канителились мы три дня всей бригадой. Скучно стало — хоть брось. Переписывай еще на-бело. А к чему?

— Ребя, — говорит Сережка Парфенов. — А что, если нам Путаницу поддеть?

— Как так, поддеть?

— А очень просто. Как он тогда с дневниками — Николая и Людовика спутал. Давайте наврем.

Я посмотрел на Крякшу.

— А ведь он не заметит, это правда.

Еремин рассердился.

— Ну вас, — говорит, — с вашими выдумками. Всю работу испортим.

— Как же, испортим. Путаница — да чтоб заметил!

— Пиши — Людовик, — сказал я Ваньке. — Пиши, пиши!

— Как же писать-то? — спросил Ванька и положил перо.

— Эх, ты, чудило, — сказал Крякша. — Давай сюда.

«Во время коронации Николая II, в 1896 году, — прочел он, — случилось страшное несчастье». — Я пишу — Людовика XVI, — так? «Во время коронации Людовика XVI в 1896 году...»

— Погоди, ты и год измени, — сказал я. — Это не штука, одно имя.

— Ладно. Я пишу — тысяча семьсот...

— Семидесятый.

— Семидесятый, так семидесятый, — согласился Крякша. — А ведь здорово! «Во время»... Стой, мы и здесь изменим. Чего б это написать вместо коронации?

— Пиши — рождения, — сказал Сережка Парфенов.

— Ну, чего там рождения? Я лучше напишу — женитьбы. Давай его поженим! — «Во время женитьбы Людовика XVI в 1770 году, случилось страшное несчастье. В Москве...»

— Нет, уж ты пиши — в Париже, — не вытерпел Еремин.

— Правильно, — согласился Крякшин. — «В Париже устроены были гулянья, улицы и

площади были иллюминированы». — Чего будем менять?

— Погоди, валяй дальше.

— «На Ходынском поле...»

— Ходынское поле — к чорту, — сказал Сережка. — Какое в Париже Ходынское поле? Пиши — на Королевской площади.

— Есть, капитан, — ответил Крякша. — «На Королевской площади поставлены были палатки; оттуда Людовик — так, что ли? — приказал раздавать народу гостинцы. Около этих палаток остались незасыпанные рвы и канавы. Когда народ бросился за царскими»...

Крякша перечеркнул «царскими» и написал «королевскими». Потом стал читать дальше:

— «Когда народ бросился за королевскими гостинцами, сайками и всякой дрянью»...

— Почему — дрянью? — спросил Ванька.

— Да ты не перебивай. Потому что протухло.

«И всякой дрянью, — произошла страшная давка. В ней было задушено»...

Крякша высунул язык на бок и вместо 1282 стал писать другое число. Он написал почему-то 132 000 000 00 и продолжал еще насаживать нули, но тут Еремин сказал:

— Хватит, я тоже хочу — и рванул к себе лист, так что краешек оторвался и получилось только 132.

Ванька взялся к завтрашнему дню все чистенько переписать, и мы разошлись по домам.

Степан Петрович пришел в класс сам на себя непохожий. На нем был новый серый костюм — прямо из Москвошвея. А в отвороте пиджака, через петлю, пропущена была красная гвоздика. Конечно, мы фыркнули, когда он взошел на кафедру.

— Факт, он влюбился, — довольно-таки громко крикнул кто-то на задней парте. Путаница покраснел, как рак.

— Ну, как наши бригадники? — выдавил он наконец.

Мы встали и подошли к кафедре. Ванька сейчас же подал ему работу.

Путаница низко-низко опустил лицо над тетрадью, чтобы не было видно, какой он красный.

Он так сидел очень долго. Потом... Потом... Очень трудно рассказать, что было потом.

Мы, все-таки, здорово дрейфили, что он заметит Людовика. Но Путаница — ничего: читает, читает, уткнулся носом в тетрадь. И вдруг — вдруг он протягивает руку к боковому карману, где у него всегда торчит самопишущее перо, и вытаскивает оттуда губную помаду. Мы хорошо разглядели, что это помада. Потому что Путаница повинтил ее, как перо, и с нее упала крышка.

Одну минуту Степан Петрович держал помаду в руках и смотрел на нее, как на какого заморского зверя. Потом быстро сунул ее в другой карман.

Сережка Парфенов надулся, как шар, и вдруг нырнул, будто у него развязался башмак.

Путаница долго сидел и молчал. Видно было, что он никак не решится поднять глаза.

Наконец он собрался с духом.

— Будьте добры мне ваши зачетные книжки,— сказал он. — И ручку, пожалуйста.

На первой парте лежала Ванькина ручка. Мы схватились за нее впятером.

— Это хорошая, обстоятельная работа, — сказал Путаница.

Он поставил нам всем зачет.

6

— Что я говорил? — повторял Сережка. — Видишь, он не заметил.

— Это из-за помады, — сказал Еремин. — Конечно, из-за помады. Он так смутился, может и совсем не прочел.

— Ну, это глупости, — сказал я. — Прочесть он прочел во всяком случае. Иначе не стал бы писать зачет.

Несколько дней мы звонили по всей школе, как накрыли Путаницу. Ванька даже всем показывал наше сочинение. А потом рассказали Путанице, что он пропустил у нас кучу ошибок.

— Помилуйте, — ахнул Степан Петрович, — неужели я так рассеян? Я даже помню — у вас все было очень правильно. Ну-ка, ну-ка, покажите тетрадку. Мне даже самому интересно, какие это я пропустил ошибки.

Ванька торжественно вытащил из сумки тетрадь и вручил ее Путанице. Тот перечел все

от начала до конца и сказал, что ошибок в работе нет.

Крякша даже подпрыгнул.

— А Людовик, — крикнул он. — А Людовик?

— Людовик? — удивился Путаница. — Людовик — Людовик и есть. Так у вас ведь и написано — Людовик.

— А где Николай?

— Николай? При чем же тут Николай?

Путаница в недоумении посмотрел на Крякшу, потом на меня.

— А Москва? Ведь мы написали — Париж! — не вытерпел я.

— При чем тут Москва? Ну, конечно, Париж, — сказал Путаница. — Только надо — не Королевская площадь, а Улица Короля; но это мелочь, а не ошибка. Она называется по-французски Рю-Рояль.

У нас глаза полезли на лоб.

— Опять рояль, — сказал Крякша. — Что ты с ним будешь делать!

— Степан Петрович, — возмутился Еремин, — вы опять все спутали.

— Нет, дорогие мои, на этот раз что-то спутали вы. Совершенно верно, что в 1770 году, во время женитьбы будущего короля Франции, Людовика XVI, произошло несчастье. Народ кинулся за подарками, началась страшная давка. Улица упиралась в канаву; из этой канавы потом вытащили десятки трупов. А всего погибло тогда, в погоне за королевскими сайками, 132 человека. Так у вас и написано. Я и поставил зачет.

— По русской истории? — крикнул Сережка.

— Почему по русской?

Путаница пожал плечами и отступил на шаг назад.

— Почему по русской? — переспросил он снова. — Я не ставил по русской.

— Как не ставили, — вскочил Ванька. — Посмотрите сами!

Степан Петрович ткнулся носом в Ванькину зачетную книжку и просиял.

— Ну да, не ставил! Я вот где поставил, в истории Запада.

Мы все схватились за свои книжки.

— Сами вы — путаники, — сказал Степан Петрович.

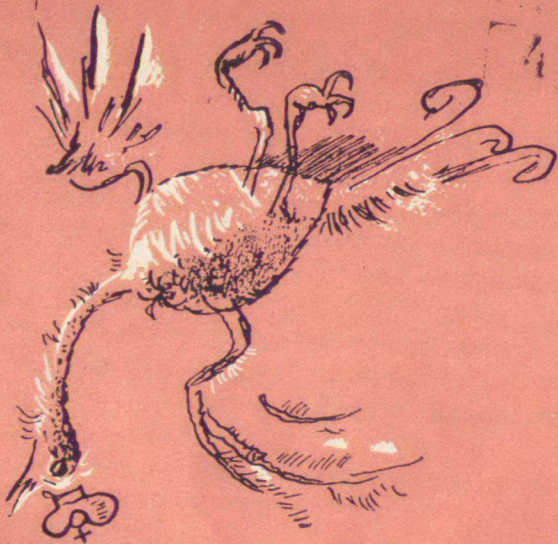
Нам нечем было крыть. Зачет у всех стоял в одной и той же графе.

1991. 1968

23468

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТЕЙ И ЮВЕНТЫ
ДЕ ПИЗА

Р И С У Н К И
КУКРЫНИКСЫ